

Глава 13

Жуань Цзинь остолбенел, глядя на творение своего взрослого автоматона. Он никак не мог взять в толк, как устроен мыслительный процесс этого маленького «человека-машины».

Кто, ну кто его этому научил? За этим наверняка стоит какой-то злой гений.

Губы Жуань Цзиня дрогнули. Он поднял взгляд на А Маня.

— Могу я узнать, зачем ты подарил мне... «большого А Маня»?

А Мань застенчиво улыбнулся и произнес всего одно слово:

— Нравится.

«...»

Значит ли это, что ему нравится отдавать мне своего «большого А Маня», и потому он вырезал точную копию, чтобы выразить... тоску по нашему соитию?

Жуань Цзинь с усилием подавил рвущуюся наружу улыбку, убрал «большого А Маня» в шкатулку и с самым серьезным видом заявил:

— Это очень важная вещь, супруг мой. Я непременно буду бережно ее хранить!

С этими словами он встал и спрятал шкатулку в шкаф.

А Мань выглядел невероятно довольным. Он взял Жуань Цзиня за руку и посмотрел на него с нежностью, и во взгляде его читалось: «А Цзинь принял моего „большого А Маня“, значит, я ему тоже очень нравлюсь!»

Волнение на его лице было таким явным, что он казался гораздо более живым, чем в тот день, когда Жуань Цзинь его нашел.

И все было бы совсем замечательно, если бы его руки не потянулись так поспешно к поясу Жуань Цзиня.

Маленький глупец, казалось, был одержим этим делом. Каждую ночь он требовал своего, и, начав, уже не мог остановиться, доводя Жуань Цзиня до исступления, в котором боль смешивалась с наслаждением.

Впрочем, Жуань Цзинь не был против, но А Мань выглядел таким крепким и ненасытным. Не истощат ли его эти еженощные утехи?

Не успел Жуань Цзинь додумать эту мысль, как глупец подхватил его на руки и понес к мягкому ложу под пологом.

«Ну что за дела, — подумал Жуань Цзинь, — разве так ведут себя мужья-автоматы?»

Но раз ему это нравится, пусть будет так. Размышляя, Жуань Цзинь пришел к выводу, что, когда он брал А Маня в зятя-примаки, он ведь не спрашивал его согласия. Если А Мань очнется и ему не понравится, что его взяли силой, если он захочет уйти, Жуань Цзинь не станет его удерживать.

В крайнем случае, оставит себе ребенка. Он сам его родит и сам воспитает, ему ни за что не отдаст.

Пока в голове Жуань Цзиня роились сумбурные мысли, А Мань легко преодолел его оборону и проник в сокровенные глубины, где его ждал цветущий персиковый сад.

Жуань Цзинь невольно ахнул. «Ах ты, негодник, даже не предупредил», — подумал он.

Да что же это такое? Он же стопроцентный натурал! Неужели он так быстро привык к близости с женщиной?

Губы А Маня опустились на его губы. В лунном свете точеный подбородок красивого мужчины казался произведением искусства, и Жуань Цзинь невольно залюбовался им.

Сердце забило чаще. «Такой красавец... и он достался мне».

Щеки Жуань Цзиня пылали. Он обнял А Маня за шею, и тот тут же ответил на его поцелуй, причем на удивление умело — по-французски.

Он не только нежно втягивал язык Жуань Цзиня, но и легонько покусывал его, и от этого ощущения у Жуань Цзиня все внутри перевернулось. Это волновало его даже больше, чем их ночные объятия.

В ночной тишине слышался тонкий звон серебряных колокольчиков на его лодыжке, смешиваясь с едва уловимым позвякиванием, подобный то ли шепоту влюбленных, то ли страстному крещендо симфонии, звучащей за плотным занавесом.

В пылу страсти Жуань Цзинь прошептал:

— А Мань, я тебе нравлюсь?

В глазах красивого мужчины мелькнуло недоумение.

— Нравлюсь? — переспросил он.

Жуань Цзинь тихо рассмеялся. «Глупыш, он не понимает, зато я понимаю», — подумал он.

Он наклонился к уху А Маня и, набравшись смелости от охватившей его страсти, хрипло прошептал:

— Муж, ты мне очень нравишься.

Что и говорить, его тело гэра с легкостью принимало мужскую ласку.

К тому же, мужчина перед ним был совершенством от лица до фигуры: перевернутый треугольник торса, V-образные линии таза, мощные бедра, рельефный пресс — каждая черта его тела излучала невероятную сексуальную энергию.

Жуань Цзинь признавал свою поверхностность. Раньше он мечтал быть таким, как А Мань, а теперь хотел лишь, чтобы такой мужчина крепко обнимал его.

Возможно, слова Жуань Цзиня подействовали на А Маня. Хоть он и не понял их смысла, но уловил соблазнительные нотки в его голосе.

В такие моменты тело гэра источало аромат, похожий на афродизиак, своего рода феромон, который заставлял мужчин терять голову.

Поцелуи А Маня дождем посыпались на тело Жуань Цзиня: на шею, грудь, живот, лодыжки и стройные, гладкие ноги.

Поцелуи продолжались неведомо сколько. Сознание Жуань Цзиня то и дело отключалось, пока окончательно не погасло.

Этой ночью он, как и ожидалось, спал очень крепко. Он должен был устать, но глубокий сон позволил ему полностью восстановиться.

Возможно, получив необходимое питание, гэр становился бодрее и здоровее. Открыв глаза, он почувствовал себя полным сил.

Он поднял взгляд и увидел спящее лицо А Маня. Наконец-то этот парень не проснулся раньше

него. Видимо, прошлая ночь и для него была утомительной.

Он провел рукой по его красивым чертам: густые, как мечи, брови, нос, подобный горному пику, четко очерченные губы с пухлой серединкой. Лицо без единого изъяна, просто идеальная красота, словно сошедшая со страниц манги модель альфа-самца.

Такие черты, такое лицо... Жуань Цзинь невольно задумался: а не сын ли он знатного рода?

Ведь только в богатых семьях, где тщательно подбирали гены, могли рождаться такие красивые и совершенные дети.

Но тут же он отбросил эту мысль. Вовсе не обязательно. Один из десяти величайших красавцев в истории, Хань Цыгао, был выходцем из простой крестьянской семьи, но его красота вошла в анналы.

Пока Жуань Цзинь размышлял, длинные, с тонкими костяшками пальцы перехватили его руку, замершую на лице мужчины. Звездные глаза приоткрылись, и на мгновение Жуань Цзиню показалось, что он видит перед собой взгляд, полный мудрости.

Но стоило глазам раскрыться полностью, как ощущение «человека-машины» тут же вернулось. Жуань Цзинь очнулся от своих мыслей и весело поприветствовал А Маня:

— Доброе утро!

А Мань притянул Жуань Цзиня к себе. Кожа к коже, их тела согревали друг друга. Низкий голос прозвучал у самого уха Жуань Цзиня:

— А Цзинь... доброе утро.

Жуань Цзинь улыбнулся и поцеловал его в подбородок. На душе стало сладко.

«А я ведь тоже хорошою, — подумал он. — Двадцать лет был один, а теперь встречаюсь с первоклассным альфой».

Что же делать, кажется, он ему нравится. Вчера вечером понравилось физически, а сегодня утром — и душевно.

Жуань Цзинь зарылся лицом в шелковое одеяло. За дверью послышался голос Сы-эра:

— Молодой господин, вы проснулись? А Да и остальные уже пришли, все готово. Мы же собирались сегодня утром пойти на рынок торговать.

Жуань Цзинь тут же собрался с мыслями и, вставая, ответил:

— Хорошо, иду, сейчас буду.

Но А Мань обнял его, не желая отпускать.

Жуань Цзинь чмокнул А Маня в щеку и сказал:

— А Мань, милый, давай вместе пойдем на рынок торговать и зарабатывать деньги, хорошо? Тогда мы сможем купить для А Маня самое лучшее дерево, чтобы делать еще больше красивых фигурок!

А Мань кивнул и послушно начал вставать и умываться.

Жуань Цзинь давно заметил, что, хоть А Мань и повредился умом, у него были отличные привычки. Каждый день он приводил себя в порядок.

Умывался, расчесывался, собирал волосы в пучок и аккуратно одевался.

Но из-за недавних событий на А Мане все еще была та же шелковая одежда, в которой он пришел.

— Если мы сегодня заработаем, — сказал Жуань Цзинь, подумав, — то сначала купим А Маню новую одежду, хорошо?

А Маня это, похоже, не слишком волновало. Он лишь послушно кивнул:

— Хорошо.

Глядя на его милое лицо, Жуань Цзиню захотелось ущипнуть его за щеку, но мышцы на его лице были напряжены, и щеки оказались твердыми на ощупь.

Не то что у него самого — в восемнадцать лет у него еще не сошел детский жирок, и щеки были мягкими и приятными на ощупь.

Внешность прежнего владельца тела была чем-то похожа на его собственную, только более утонченная и с ноткой яркой красоты.

Вскоре они оделись. Жуань Цзинь переоделся в короткую, удобную для работы одежду, которая придавала ему вид озорного и сообразительного юноши.

Выйдя из комнаты, он увидел А Да с миской мясного фарша в руках, А Эра с коромыслом, Сань-эр с бамбуковой корзиной, в которой лежали котлы и миски.

Сы-эр катил тележку с печью, специально предназначенной для торговцев едой на рынке.

Видя, что они подготовились так основательно, даже лучше, чем он сам, инициатор всего этого, Жуань Цзинь почувствовал прилив энтузиазма.

— Чего же мы ждем? — скомандовал он. — Отправляемся на утренний рынок!

В древности люди вставали с восходом солнца и ложились с закатом. Сейчас небо только начинало светлеть, и время завтрака еще не пришло.

Жуань Цзинь с А Да и остальными отправился на утренний рынок. Рынок в городе Персикового Цвета был очень оживленным, потому что здесь проходила большая дорога, соединяющая юг и север.

По обеим сторонам дороги тянулись ряды лавок, а также была большая открытая площадь для торговли.

Хотя рынок и не выглядел роскошным и чистым, он был полон жизни.

Прохожие сновали туда-сюда, акробаты и артисты показывали свои представления, торговцы продавали овощи, скот, зерно и всякую всячину.

Были здесь и закусовые, и лотки с едой, но выбор был невелик: в основном каши или лепешки, а еще какие-то варвары продавали ботуо.

Ботуо стало популярным в Китае после династии Юань и во времена династии Тан стало обычной едой для простого люда. Его еще называли супом с клецками.

По сути, это было что-то вроде позднейшей лапши, но с некоторыми отличиями.

А Да заранее присмотрел место и привел Жуань Цзиня на оживленную площадь. Они поставили коромысло и разложили свой товар.

Сань-эр расставила столы и скамейки и начала месить тесто, готовя лапшу и вонтоны по вчерашним указаниям Жуань Цзиня.

Соседние торговцы с любопытством поглядывали на них. Один из них спросил:

— Эй, гэр, что продавать собираешься?

Жуань Цзинь с улыбкой ответил:

— Посмотрите, братец, скоро я накормлю вас так, что вы и с места сдвинуться не сможете.

Торговец соломенными сандалиями усмехнулся:

— Я за целый день торговли зарабатываю всего десяток вэней, мне твоя еда с мясом не по карману.

— По карману, по карману, — сказал Жуань Цзинь. — Маленькая порция — три вэня за шесть штук, средняя — пять вэней за двенадцать. А если хотите наесться досыта, берите большую — семь вэней за пятнадцать, и еще одну мы добавим в подарок.

<http://bllate.org/book/13418/1194384>